

Александра НАРИН

Любовь на задворках Болливуда

ПОЦЕЛУЙ

У НОГ

БОГИНИ

Навстречу солнцу. Романы Александры Нарин

Александра Нарин
Поцелуй у ног богини

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нарин А.

Поцелуй у ног богини / А. Нарин — «Эксмо»,
2022 — (Навстречу солнцу. Романы Александры Нарин)

ISBN 978-5-04-164864-0

Роман Александры Нарин пропитан духом индийского мегаполиса. Эта пронзительная история о бедном актере из Мумбая и его очаровательной возлюбленной не оставит равнодушным ни одного читателя. На задворках Болливуда, сквозь мрак и преграды, героям предстоит найти свой путь к счастью и свету. Но всем ли мечтам суждено сбыться? В тени гигантской киноиндустрии, на задворках города выживают неизвестный артист и его невеста. Их чувства – табу. У них появляется единственный шанс выбраться из бедности и быть вместе, но судьба плетёт непредсказуемый и страшный узор. Роман наполнен своеобразием тропического мегаполиса, магией Индии. Каждое слово книги бережно собиралось в среде бедных артистов Мумбая, в трущобах, в деревушке исчезающего народа коли. В основе – живые истории и судьбы людей. Александра Нарин – начинающая писательница и уже победительница премии ЛитРес. Все ее книги пропитаны индийским колоритом. Автор прекрасным языком описывает самую настоящую жизнь на фоне трущоб: чувства, переживания, и конечно, любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164864-0

© Нарин А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Галаджункья	7
Вечер в доме Амира	8
Отец смотрит с крыши	10
Али	12
Изумрудные лужайки	14
В пристройке	16
Злые времена	18
Правила	20
Амир рисует на газете	22
Ночью ты смотришь в дома	23
Мумтаз	25
Старик	27
Супруги	29
Первенец	31
Остров безмолвной печали	32
Кружево Колабы	34
Исход из Асансола	36
Я принимаю их	37
Во Дворце Ашриты	39
Имена домов	41
Ааракшан	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александра Нарин

Поцелуй у ног богини

© Нарин А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Галаджункья

Я отец, и я мать. Я кишу существами, я чешусь, покрываюсь чёрным грибком. Моя плоть перекроена, а куски скреплены кое-как. Однажды я окажусь под водой, тогда миллионы сирот пойдут на дно вместе с моей тушей.

Каждый день я наполняюсь ими, моими сиротками. Они ищут утешения, алчут, жаждут, сходят с ума. Тысячи поездов врываются в моё воспалённое чрево. Я принимаю всех – живите, стелите жалкие картонки на тёплой спине, забирайтесь к небесам, если сумеете.

Они приезжают, творят непостижимое, мучаются, и я пульсирую. Взрывают меня, расстреливают и продают таких же, как они сами. Ездят по мне туда-сюда, истекают потом в набитых вагонах, шевелятся в них словно насекомые. Многие ничего не чувствуют, укачанные рутинной. По вечерам они выдыхают с балконов сигаретный дым, пытаются что-то вспомнить, но не знают даже, с чего начать. Другие плескаются в развлечениях, а по ночам рыдают от одиночества и утешают сами себя.

Мне нравятся те, кто не потерял веры в чудо, и те, кто влюблён. Из-за них я ещё не сгинул, не рассыпался в пепел. В моих недрах много любви, не только придуманной и снятой на киноплёнку.

Юноши и девушки глядят на морской закат, беседуют, смущаясь, пока свисток сторожа не разгонит их по домам. Старики, вместе прожившие эпоху, встречают первого правнука. Горничные богатых квартир готовят особенные блюда красивым хозяевам. Торговцы сладостями поджидают джинна, который покупает перед закрытием джалеби то в одной лавке, то в другой. Девочки пишут стихи да бросают их в мусор, подальше от матерей. Уборщики несут своим усталым жёнам тетрадки с наивной поэзией для растопки заодно с гирляндами ноготков.

В эти минуты столько глаз удивлённо распахнуты, сотни рук дрожат в предвкушении неизвестного счастья. Я свечусь, я ощущаю такое. Верьте мне, как верите в то, что купите два пакетика растворимого кофе и пять яиц на улице Патил Гали.

Вот мчится бенгальский поезд, а в нём двое неприкаянных. При виде меня оба сияют, как восход, что всегда появляется из-за холмов. Тонким слоем красной железнодорожной пыли покрыта их кожа, одежда впитала запах рельсов и нечистых станций. Но если бы рядом никого не было, они бы касались друг друга снова и снова.

Эти двое возвращаются из напрасной поездки. Во рту у них – угольный привкус Асан-сола, города на задворках Западной Бенгалии. Она только называется Западной, а лежит на самом востоке нашей земли, упираясь в кипящий Бангладеш. Долго не могли они вырваться оттуда и вот едут. Все возвращаются ко мне рано или поздно. Я слежу за каждым, как за своим ребёнком, особенно за такими, простодушными.

Про меня вы поймёте сами. Я отец, я и мать. Я – это мои сироты, их жилища и пляжи, нервные биржи, узкие конторы, уют трущоб со сладковатым духом гниения, крошечные театры, ниши уличных магазинов, острова парков с вытоптанными газонами, крысы и курицы, белые здания тенистых кварталов, сады, которые орошают фонтаны.

Мне давали столько разных имён: Какамучи, Галаджункья, «Хороший залив» – Бом байм, Бомбей. Незадолго до того, как встретились те двое из поезда, мне вернули имя богини моего народа коли – Маха-Амба, Мумбай. Берите любое название, если вам понадобится говорить обо мне, каждое из них было уважаемо в своё время.

Вечер в доме Амира

*Посмотрите на нас,
Как смотрят, пусть и дрожа,
На далёкий тёплый огонь.*

АНАМИКА, «ЖЕНЩИНЫ»¹

Взгляните на Асансол, душный и розовый от пыльного заката. Эй, брат, ты настоящий край света, не обижайся. Зря мои сироты тащились к тебе в такую даль. Дорогой они шептались, чтоб их не слышали пассажиры. На них пялились все до единого в вагоне, на них ходили поглядеть исподтишка.

Поезд бежал по тесным утробам наших обветшалых братьев, по рельсам, где пирует нищета. Состав замирал на ночных стоянках. В темноте визжали птицы. Через окна то щекопали ветки, то с платформ мальчишки совали эскимо. Оно растекалось, стоило достать из коробки.

Ты говоришь, брат, семья поужинала, когда они постучались в дом? Убирали посуду и оцепенели? Какие глаза у них были, брат? Они рыдали? Ясное дело, рыдали. Рассказывай, ты же знаешь, как я люблю мелодрамы.

В глазах матери цвета влажной земли рождалась буря. Мучительная ласка к сыну в руках, а на лице – презрение к миру, который выкинул такую дикую шутку у неё под носом. Чистая печаль остановилась в глазах отца оттенка тёмного дерева. Глазки девочек – бусины яшмы, вспыхнули радостью и погасли от окаменелого лица матери.

Янтарные глаза Амира с тяжёлыми белками смотрели куда-то в ноги сёстрам. При встрече с родителями исчезла его дорожная смелость. Он стал грустным виноватым мальчиком, который совершил непоправимое и ждёт, какое выберут наказание.

Единственные глаза с прозрачными ресницами, полные голубой воды, хохотали. В них плескалось любопытство. Для Марии шло кино о ней самой, и она упивалась им. Страна, которую она пересекла поперёк через живот, эти люди были изумительной декорацией, авантюрой, подарком. Мария впервые жила столь необыкновенно и так полноводно. Она пересаживалась то так, то эдак, не зная, как лучше устроиться на полу. Разглядывала лица и комнату в лоскутках рисунков, старых календарей, портретов киноартистов, вырезанных из газеты, бус, повешенных на гвозди.

Постукивали железные тоненькие браслеты на округлых запястьях матери. Она подала Амиру рис на плоской алюминиевой тарелке и одну ложку. Амир, ещё ниже клонясь над едой, отдал Марии ложку, а сам взял хлеб и ел руками.

С дороги оба были страшно голодные. Им хотелось раздирать зубами пищу, есть много часов без остановки, глотать нежные рисинки, прокатив их по нёбу, вгрызаться в кусочки курицы, набить рот лепёшками в налёте муки. Но ели они осторожно, каждый боялся забрать долю другого. Остальные наблюдали, как они мучаются вокруг тарелки. Казалось, происходит что-то непристойное, как объятия возле мечети.

Кто-то заглянул в окно, и затем ещё несколько раз белки мелькнули во мраке. Отец кивнул, и младшая девочка, Джасми, вскочила и задёрнула шторы. Всплеск статического электричества поднял маленькую бурю в комнате, родители и Амир взбудораженно заговорили.

---

¹ Здесь и далее переводы автора.

Их тревожило что-то за пределами дома, а не то, что сынок притащил к ним чужую, иностранку. Речные глаза Марии потеряли смех и наполнились холодными течениями: она догадалась, что её вычеркнули. Даже если сейчас начать целовать руки матери и отцу, они сделают вид, что она невидима. Ни за что не хотела Мария верить, что это насовсем. «Нет, мне мерещится просто», – подумала она, и в воде глаз опять засветились искорки.

Амир быстрым шёпотом перевёл ей суть разговора. Она разобрала только «муслим» и «хинду». Язык, к которому приручили наш народ колонизаторы, – английский, она понимала едва-едва. Языки нашего народа – хинди, маратхи, урду, малаялам, конкани, ория – были для неё потоками переломанных слов.

Амир шепнул эту бессмыслицу про «муслим» куда-то в висок Марии и тут же отстранился. Воздух перемешивал вентилятор с лопастями во весь потолок. Все говорили громко, как оглохшие, стараясь перекрыть образ белой женщины, которая могла быть только видением. Они горячо и хрипло полосовали пространство долгой «х», рубили его туповатой «р». А Мария любовалась носиком на круглом лице матери Мумтаз. Ей опять стало смешно, что у неё будет такая красивая кругленькая свекровь, что поправляет мягкими руками свою малиновую дупатту².

Резко вылетел свет, шум вентилятора стих. Стали слышны далёкие человеческие вопли, смешанные в одно, удары металла, приливы неизвестного ржавого моря. Мария и Амир по пути со станции принимали этот звук за гул завода. Мать зашумела ящиками, привычно находя на ощупь свечи и спички. Стук и шорох ненадолго перебили уличный скрежет.

В колыхающемся мерцании Амир отвел Марию спать в многоугольную комнатку, пристроенную к дому. Там хранили ночью велосипеды, стоял узкий диван в кривом углу и грязноватый пластиковый стул. Амир тронул плечо Марии и ушёл неровным коридором, стены которого закачались от колебаний огонька.

---

² Дупатта – длинный шарф, часть традиционной женской одежды.

Отец смотрит с крыши

*Он колеблется всякий раз, когда я прошу
Донести нашу любовь до света.*

МИНА КАНДАСАМИ, «НЕНАЗВАННАЯ ЛЮБОВЬ»

Амир повернул к лестнице, открыл решётку и поднялся на крышу, где ждал отец. Отец сказал голосом старца:

– К утру они всё здесь разнесут.

На других крышах тоже стояли мужчины. Смотрели, как течёт в рыхлое небо дым из квартала в километре от их жилищ. Папа заговорил тихо и хрипло, будто опасался словами разрушить город.

– Всё началось из-за пандала³ индусов. Ты знаешь улочку у мусульманского кладбища, где похоронен твой дед?

Амир кивнул, он ссутулился и дожидался, пока папа расскажет своё, и потом, возможно, будет что-то и о Марии. Кровь то прилиwała к его лицу, то снова откатывала незаметно под смуглой кожей. Крики и хаос в глубинах родного города почти не волновали его теперь.

– Индусы ходили поклоняться Дурге⁴ к этому пандалу, жаловались, будто громкоговоритель из мечети мешает. Многим мешали их песнопения у кладбища. Они шли к Дурге, кто-то из наших перегородил им дорогу. Подрались, а как же! Пока тебя ещё не было, чужие приехали на грузовиках. В квартале мусульман они кричали, что нам место в могилах или в Пакистане. Наши парни схватились за арматуру. Видишь, что случилось к концу дня, – и отец обвёл взглядом ночь.

– Это всё политика, политикам не нужна гармония, – Амир помолчал и решительно сказал: – для нашего поколения нет «наших» и «не наших», мы все хотим жить в гармонии.

Отец глянул в его лицо, как смотрят на больных, и продолжил говорить медленными фразами, останавливаясь после каждой.

– Не знаю, выйду ли я в понедельник на завод. Не хватало ещё, чтоб остановилась работа, – Амир услышал, как в груди отца скрипит дыхание. – В этом районе живут одноклассницы девочек, там медресе, государственная школа, а полиция ничего не делает.

Струи дыма лились, как заколдованные белые реки, по синему полотну небес. Многим на крышах хотелось броситься туда, где гудели уличные бои, ломали индуистские храмы, разрушались лавочки мусульман, жгли дома друг другу. Останавливал страх за своё жильё, за сыновей и женщин. Люди надеялись неподвижностью сохранить покой переулка. Они слушали и вглядывались изо всех сил в дальние кварталы, как будто те вот-вот дадут какой-то ответ. По спинам людей тёк пот, ноздри тянули гарь. Люди верили, что власти остановят беспорядки, уповали на это и отец, и Амир. Амир тревожился и караулил папины слова, чтобы не упустить начало разговора о Марии. Драки могли повториться ещё тысячи раз, но эта ночь никогда. Он чувствовал себя жалким и тонким, как часто случалось с ним при отце.

Наконец папа изменил тон, так что голова Амира дёрнулась в нервном тике. Отец заговорил ласково на урду, благородном языке мусульман их края. Он изъяснялся на нём, когда хотел подчеркнуть важность своих мыслей:

---

³ Пандал – маленький храм.

⁴ Дурга – богиня в индуизме, особенно почитается в Западной Бенгалии.

– Бета⁵, сыночек, – папа наполнил голос добротой и терпением, так же он объяснял Амиру в детстве безрассудство некоторых поступков. Амир пошатнулся навстречу горящему городу, и жалость к отцу сдавила его сердце.

---

⁵ Бета – сын (*урду, хинди*).

Али

*Так он идёт укладываться спать,
Статистику по радио послушав.
Он думает о предках и о внуках.*

ДЕЛИП ЧИТРЕ, «ОТЕЦ МОЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ»

Амир жалел отца за самого себя. Думал о нём: «Папа простой и добрый человек, как будто навсегда обделённый чем-то, но принимает это без ропота, как должное. Он столь же часть Асансола, как его стены, уголь, мощные и тоскливые трубы на берегу реки Дамодар».

Отец гордился простыми вещами: своей семьёй, тем, что работает на заводе с самой огромной печью в стране. Каждое утро он смотрел из окна на могучие серые заводские стены. Завод громко со стоном дышал, и это значило – жизнь идёт правильно, в ней будет хлеб и молоко, будет чай, рис и сари для Мумтаз. Долгие годы он смотрел на трубы, как символ несокрушимости бытия и защиту.

Смотрел по утрам брошенным матерью мальчиком, который подавал воду и закуски в заводской конторе, относил полученные рупии бабке. Старуха только молилась, всегда закутанная в чёрную чадру, и ждала денег от непутёвой дочери. Смотрел потом, когда стал рабочим, и после, когда его чудом без связей и взяток назначили управляющим цехом за особое, почти религиозное старание. Звёзды тогда выстроились в небе неповторимым узором: на завод приехал англичанин, учил, как правильно работать. Он заприметил Али с его отчаянным усердием. На то место метили родственники мелкого начальства, но его назначили, ему поверили. Завод был его мечетью, директор был его имамом, рабочие долго заменяли ему семью.

Потом рождались дети, другие, не понятные ему. Девчонки, у них на уме одна ерунда: призраки и танцы. Старший Амир, он его любил бесконечно, а тот раз за разом разочаровывал его. Али считал, что какая-то чёрная блудная кровь просочилась и отравила детей. Может быть, кровь его пропащей матери. Когда он стал подмечать в детях странную тягу к другой, не спокойной, не в меру весёлой жизни, они с Мумтаз были ещё молоды и даже могли бы людям на смех завести ещё ребёнка, но он боялся, что и этот несчастный будет отравлен.

Али выучил Амира в колледже на инженера. Он оплачивал учёбу, отказывая во многом Мумтаз и девочкам, не говоря о себе. Потом отнёс бакшиш, устраивая его в контору завода. Через четыре месяца работы Амир поднялся посреди дня и вышел через проходную навсегда. На заработанные деньги уехал в Дели учиться актёрскому мастерству. Али целый год ходил на завод, как прокажённый. Сочувствие людей было великим его позором. Шёпот о нём и сыне перекрикивал шум цехов.

Со временем, конечно, народу это надоело, они нашли другие новости. Однако нет-нет он замечал эти кивки в свою сторону: «Вон тот отец актёра, который работал у нас инженером. Что-то не видно его сыночка в кино». В такие минуты он радовался, что у него хотя бы нет родни, а до мнения сестёр Мумтаз им немного дела.

Сердце отца болело по Амиру, и он посылал ему денег. Вы же знаете, я дорогуший город для многих моих сирот. Они бегут в дебри, в которых жить-то не умеют. Бывало, у Амира месяцами не было ролей или попадалась одна глупость, вроде короткой роли соседа – пьяницы. Тогда отец брал из аккуратно сложенных на учёбу девочек запасов, отправлял перевод. Те деньги теперь блуждают по моим внутренностям, тратятся на безделушки, милостыню, дурман.

Аллах не дал им больше мальчиков. Али полагал, это потому, что они были не сильно верующими, мало молились, редко ходили в мечеть. У Амира могли быть сыновья, теперь

появилось это невероятное существо. Таких по телевизору показывают, или они прячутся в заводах Дамодара. Али был уверен, что всему виной отравленная кровь.

– Мы с матерью не жестокие, бета, соберём ей на билет, а не хватит, так я займу на заводе. В городе столько хороших девушек, ты только скажи, мы поговорим с людьми и найдём невесту. А если хочешь всё устроить сам, так в Бомбее девчонок и того больше. Мы закрывали глаза, когда ты сошёлся с бенгалкой, – отец вспомнил студенческую подругу Амира, с которой он встречался несколько месяцев, пока не узнали её родители и не запретили прогулки с индийцем. Амир вздохнул: «При чём здесь Файза?»

– Положа руку на сердце можно принять даже и эту, – отец сказал грубое заводское слово, что означает «брат демона», – но она разведена, а её дети – это уже слишком, сынок, за все берега выходит. Мы не можем оставить такую женщину, никто в нашей семье не потерпит этого. Не позорься, отправляй её обратно в её страну, – приказал отец, хлопнул Амира по плечу и шагнул в чёрный проём, что вёл на лестницу в дом.

Изумрудные лужайки

*Город журчащих катакомб,
Жужжания фильмов 80-х,
Пены мыльных опер,
Муссона мелодрам.*

АРУНДХАТИ СУБРАМАНИАМ, «ГДЕ Я ЖИВУ»

Амиру было шесть, когда отец взял его смотреть невесту дяди Икрама, сослуживца с завода. Они ехали в мужской половине автобуса. Амир сидел на коленях у отца и ловил слова взрослого разговора в сачок ушных раковин, как рыбок.

Рыбки плескались в его голове, смеялись: «Свадьба дяди будет через четыре дня, а он ещё не видел невесту». От смеха рыбок лопались пузырьки. «Позвонили по телефону и разрешили приехать поговорить немного при тётушках». Пам-пам-пам, пузырьки защекотали голову и Амир спросил:

– Чаача⁶, дядюшка, ты будешь жить до старости с женой, которую никогда не видел? Вдруг она уродка?

Дядя Икрам засмеялся стыдливо, а на губах Амира вспыхнул ожёг удара. Амир отвернулся к окну, пузырьки стали водой и потекли из глаз. «Хоть тебе и врезали по лицу, они останутся в дураках, – успокаивали рыбки, покачивая хвостиками в сырости его слёз, – жена может оказаться злой, некрасивой, глупой». Рыбки обещали: «Ты сам выберешь невесту, сам себе, Амир, никто не будет тебе указывать».

Автобус остановился, рыбок смыло потоком района Ушаграм. Амир утёр свой ровный, удавшийся, слава Аллаху, в Мумтаз, а не в Али нос. Что было дальше с дядей Икрамом, он забыл. Вроде бы раз они ездили к ним в гости в Ушаграм. Там было скучно, безобразные куры купались в пыли двора, а взрослые поздравляли дядю с повышением по службе. Жена дяди мельтешила, подавала бирьяни в закрытой чадре. Так никто и не узнал, симпатичная ли она. На ногтях стояли точки хны, вот и всё.

Когда Амиру исполнилось десять, отец принёс антенну и приделал её к крыше.

– Мумтаз, вот и в кино ходить не надо, платить этим ворам!

Теперь у них в доме страдали от неукротимых чувств, пели и сражались до искр, так что Мумтаз только успевала подбирать слёзы краешком дупатты. Краски с экрана сделали цветным розовато-серый переулочек. В дом приходили женщины, у которых не было кабельного, дети, подруги и сёстры этих женщин. Они рассаживались повсюду: на кровати, на полу, на столе, торчали в дверном проёме и окне, стояли вдоль стен. Разом вздыхали так, что в комнате становилось душно – они выпивали воздух. Разом хохотали, отчего не слышно было фильм. Одновременно цыкали друг на друга. Все вместе зажимали рот руками, хватая рыдания.

Но это продолжалось недолго. Их мужья один за другим крепили антенны к крышам, словно весь квартал захотел выйти на связь с космосом, по которому плавали русские и американские корабли. Песни о самой прекрасной любви хлынули из каждого окошка. Случались помехи, тогда Амиру приказывали лезть на крышу и шевелить антенну, а мама из двери кричала вверх:

– Лучше, бета, плохо, бета, сынок, потряси её ещё, наклони маленько. Да что ты возишься?! Риши уже идёт к Моули!

---

⁶ Чаача – дядя (*хинди, урду*).

Так же трясли антенны дети на других крышах. Сотни детей на плоских прямоугольных крышах под раскинувшимся небом Бенгалии.

«Как огромна сила кино», – думал Амир. Рыбы, ставшие тяжелей, медленно открывали рты: «Ты уедешь в царство колониальных особняков, Амир, в мир изумрудных лужаек, будешь драться над пропастью, танцевать под дождём с возлюбленной в сияющих вспышках, ты сам будешь этим миром, мальчик».

Амир любил грустные песни. Когда пели про любовь, он чувствовал, что какой-то неназванный орган под рёбрами ноет. Про себя он называл это болью сердца. Сердце и голос должны петь вместе, тогда песня умещает город, неторопливые реки Дамодар и Аджай, любимую, которая родилась для него из взбитого космического молока и живёт где-то на свете. Он пел так сердечно, что отец купил ему гитару и нашёл учителя музыки, уроки которого Амир прилежно посещал.

В пятнадцать лет он в первый раз увидел белую девушку. Зелёные глаза, жёлтые волосы, а сама – цвета бумаги, пенджабского храма, траурного сари. Рот красным накрашен. Показывали её в конце передачи, в которой вечно обсуждали выборы, права женщин и детские браки в городских трущобах и сельской глуши. Всё это стоило перетерпеть ради серебряных спиралей, которые бежали по экрану в финале. Из спиралей появлялась желтоволосая махарани и призывала покупать билеты авиакомпании, которая соединит Индию со всей планетой. Ради сорока секунд её выступления Амир смотрел передачу от начала до конца, записывая в подсознание печали родной страны. Рыбы роху с тугими боками и красноватыми плавниками тихо говорили: «Женись на белой девушке, Амир, все залюбуются на вас, ты станешь раджей во дворце вселенной». Хитрые рыбы глядели хищно и насылали сладострастные видения по ночам.

Все женщины на сотни километров вокруг были оттенка кофе. Девчонки переулка из тощих чумазных существ, с которыми они играли на дороге стеклянными шариками, превратились в незнакомок, молчаливых, словно беременных какой-то тайной. Стали носить длинные одежды и держаться в стороне. Ах, какие они были красивые и неясные, как звенели, качались у них совсем близко к шее серёжки, а всё, что так хотелось рассмотреть, пряталось в волнах ткани.

В пристройке

*Английский, в котором магия
Чёрных глаз и коричневых тел
Заменяет очарование
Глаз голубых оттенков.*

МИНА КАНДАСАМИ, «МЕЧТЫ ОБ АНГЛИЙСКОМ»

Вы видели, как по вечерам в новолуние поднимается океан к моим улицам? Ранним вечером пляж ещё открыт для прогулок. Чем темнее становится, тем выше вода. Ночью волны уже бьются о ступеньки, закатываются в переулки. Так же пришёл к Марии страх: он был огромный, но всё же далёкий, теперь он подступил, бился в рёбра.

Душа находится под рёбрами, так маленькую Марию учили бабушка и дедушка, атеисты. Она проводила рукой по косточкам своей детской груди, соглашалась, что душу в человеке больше поместить некуда. Там всегда сжималось живое, которое не было органом. Теперь этот рыхлый комочек заскулил, как щенок, застрявший в стрелке рельсов.

Она уже не принадлежит людям своей страны, но и нашей не стала. Она так и подумала и сказала своим на другой край земли: «Я уже не ваша, но ещё не их».

Мария слушала гул, подобный шуму моря, только резкий, с металлическими всплесками. Ей слышалось, кричат: «Аа-та, аа-та», а потом: «Ра-ха, ра-ха». Для неё это было то же, что вопли ночных птиц в пальмовом лесу.

Свет вернулся и упал на пол из коридора. Мария нашла у двери зыбкий выключатель – шаткую панель из разных кнопок и розеток. Она боялась, что, если тронет кнопку, её ударит током или в доме что-то отключится. Тогда уж точно не видать милости от родителей Амира.

Открыла дверь шире. Лампы в низком коридоре, заставленном вёдрами и бутылками, хватало, чтоб осмотреть пристройку. Стены покрашены светло-зелёным, где-то видны прямоугольники краски другого цвета, под потолком – голый бетон. Диван закрыт покрывалом, жёлтым с бордовыми цветами. Она приподняла его, надеясь увидеть простыню, но под ним был старый тонкий матрас. Мария открыла узкие створки деревянной двери, там оказалась решётка.

За железными прутьями стояла, не двигаясь, корова с равнодушными глазами в меху ресниц. Слабый свет из дома лёг в бордовую жижу с клочками светлого мусора. Влажная ночь пропиталась дымом. Через решётку в комнату юркнула чёрная ящерка, побежала и замерла под потолком.

Мария свернулась на покрывале, пахнущем пылью, и стала ждать Амира. Он ходил в хаосе комнатешек, коридорчиков, лесенок и закутков дома, между перегородок, похожих для Марии на уличные. Она-то до этого жила в месте, где всё вычерчено по линейке, оклеено узорными обоями.

Пока за окнами поезда пронеслась красная земля, звенели переполненные народом города, Мария с восторгом поглощала жизнь. Она радовалась короткому освобождению от утомительных обязанностей матери, избавлению от участи куклы мужа, у которой на встречах людей с ледяными глазами невыносимо болит улыбка.

Путь, захватывающий дух, с размаху врезался в стены Асансола, стало ясно – ничего из того, что она думала, не будет.

Внутри взвизгнул щенок. Прошлое утрачено, как какой-то предмет: книга или шарф. Её муж был уже с другой, с которой виделся и раньше. Дети ходили в школу под опекой бабушек.

Перед отъездом на неё кричали, слова ударили, как тупые ножи. Она не понимала своей вины перед искривлённой нервами толпой близких, когда каждая молекула в ней была безупречным кристаллом любви.

Нужно было скорее наладить новую жизнь, перевезти детей, найти школу. Всем им выучить язык. Дети схватывают быстро. Она сама готова делать всё, что угодно, подняться, действовать, учиться. Вместо этого её окружило безмолвие, громадное ничто, в котором нечему налаживаться и нечему гибнуть.

Щенок в душе тревожно поскуливал. Но она знала, что нужно переждать, к утру пройдёт: комочек наполнится теплом, станет частью живого.

Чёрная ящерица под потолком открывала свой вырезанный в голове рот с тонким языком, беззвучно говорила на хинди. Амир не приходил. Мария вслушивалась, как за стенами движется сотнеголовое, многорукое существо, оно рычит и фыркает, воеет и поджигает, хочет сожрать самого себя.

Злые времена

*Вот руины школы,
В ней прошло двенадцать лет.
Вот асфальт седой, и пустота там,
Где было славное кафе.*

МИНА КАНДАСАМИ, «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ»

Невидимыми нитками сшиты кварталы города: улыбками соседей, дружбой уличных ребятишек. Дети, как обезьянки, лазят по крышам в дома друзей, женщины просят у соседок то нитки, то муку. Люди разной веры не сторонятся друг друга, хотя недобрые силы учат их быть врагами. Напоминают при случае о кровавом шраме границы, проведённой на живой коже страны. Через эту границу во времена раскола проходили немые поезда, полные мертвецов. Сикхи и индуисты перебирались в независимую Индию и гибли, мусульмане стремились в Пакистан и умирали на дорогах. Стравленные братья затопили землю кровью.

Старшие в роду Амира не уехали с родной земли. Боялись выйти в опасный путь, где за любым камнем таилась смерть. В злые времена прятались то у соседей, то в джунглях. «Если они придут, облей себя керосином и подожги, – учила свою дочь прабабка Амира, – держи наготове спички, а не успеешь, так прыгай в колодец». Её страхи были не напрасны. Сотни женщин похитили, продали на фабрики, многие исчезли навечно под покровом другой веры и имени. После раскола прошло полвека. С каждым поколением рана срасталась плотней, но рубец ещё зиял.

Утром, на десять часов раньше, чем Мария с Амиром, в город приехали чужие, безумцы, желающие чистоты индуистской нации. Они приехали на драку возле пандала, чтобы стать маслом для асансолского огня.

Головы пришельцы обвязали оранжевыми повязками, они размахивали шафранными флагами, святого цвета матери-земли и ежедневного перерождения солнца. Они водрузили флаги на грузовики и покатались мимо медресе и лавок, разбрасывая унижение.

Из-за бесчестных оскорблений горячие ребята выбежали из домов, похватили бензин, арматуру, ножи и палки. Ринулись опрокидывать грузовики. Из других домов высыпались те, кому дорог флаг рыжего восхода. Началась неразбериха, крики. Первая кровь покапала на тротуар. Те, кто затеял заваруху, скрылись закоулками, а улицы к утру стали фронтом. Жгли лавки и мастерские, разбивали храмы в нишах зданий, ломали статуи Дурги и доброго слона Ганеши, ворвались в мечеть. Изнасиловали женщин с той и с другой стороны. Для планеты это была лишь мелкая драка на задворках, мир спал, не зная о ней. Для Асансола это была война.

Кто-то, чьё лицо навечно осталось в тени, велел полицейским не покидать участков до поры. Наконец отдали приказ. Но было поздно, народ разбушевался жестоко, сил полиции не хватало, чтобы разнять одичавших от ненависти людей. Несколько полицейских, верных долгу, погибли, других ранило, иные держались в стороне.

Асансол наполнила жажда сокрушать, ввергнуться в тело врага, залить его кровью стены, пить его боль и грызть зубами его страдание.

Телевизор и радио не работали, разладилось сообщение поездов, они перестали заходить в город, как и автобусы. Вечерами мерцало электричество. Билеты Амира и Марии обратно пропали, нужно было ждать, пока начнётся движение и откроется квота для Амира на покупку нового билета. Они оказались заперты в доме, окружены снаружи и изгнаны изнутри. Уличные стычки слышались из окон, до фронта можно было доехать на мотоцикле за семь минут.

В переулке, где жила семья Амира, дома индусов и мусульман прижимались стенами. Так тесно стояли, что можно прорубить ход к соседям, ходить с крыши на крышу. По безгласному договору никто не покидал своих домов.

При встрече наверху не бросали другому упрёка и не отделяли соседа по его вере. Хотя, глядя на полыхающий город, каждый мог воскликнуть: «Вот что натворили ваши!..» Молчали, берегли детей.

Молились много раз в день на коленях в комнатках для пуджи⁷ и намаза. Вслушивались в далёкий стук металла, звон стекла, рёв мотоциклов и редкие выстрелы. Запах жжёных шин и пластмассы повис в воздухе.

Зыбкая стена молитв держала закрытыми подступы в переулок.

---

⁷ Пуджа – молитва, обращение к богам в индуизме.

Правила

*Сердце – непослушная девчонка,
Не пытайтесь ей учёбу объяснить,
Порваны её тетрадки,
Стёрты чертежи судьбы.*

МАНДАКРАНТА СЕН, «СЕРДЦЕ – НЕПОСЛУШАНАЯ ДЕВЧОНКА»

Даже в хаосе мои сироты любят создавать распорядок и правила, иначе они становятся тревожными, невесёлыми. Главным правилом в доме было показывать Марии, что ни при каких условиях её не примут в семью, и мысли об этом запретны.

Мария то сидела, то лежала в комнате, как кошка. Дверь не запиралась, но идти было некуда. Амир избегал ходить мимо пристройки. Она открывала и закрывала узкую дверцу на улицу. Там было пусто, ничего, кроме розоватых стен и бордовой лужицы подсыхающей грязи.

Вылетал свет, Мария оставалась в темноте вдыхать запахи влаги, листьев, жареного хлеба. Иногда она думала, что Амир уже оставил её, она выброшена из жизни и находится в могиле. Мария тихонечко плакала, но потом к ней возвращалась радость.

Амир же страстно тосковал по ней, но стыдился родителей. Он, как всегда в сложных случаях, говорил себе, что большие вещи требуют длинного времени.

Раз к Марии зашла младшая девочка, Джасми, стала показывать свои рисунки. Они сели на полу у решётки в улицу, чтоб было посветлей. Для их разговора не было языка. Девочка улыбалась нежно, даже беспомощно, и Мария обняла её. Прижала к себе, сучая по детским объятиям, тёплым ручкам. Ей казалось – косточки Джасми полые, как у многих детей, которых она брала подержать от веселья в поезде и на станциях. Для неё во всех этих тельцах был только воздух, никакой еды и крепости.

Они разглядывали деревья баньяна. Джасми изобразила их многими линиями коричневой краски, не забыла узлы на коре, жёлтых птиц, соцветия сада. У девочки были чуть разные глаза, как у брата, с такой же грустью тяжёлых белков. Мария любила её за это. Она знала, что Амир тоже хорошо рисует. Он рисует природу, реже – город, больше всего – портреты друзей.

Некоторые акварели он возил с собой, вкладывая в тетрадку с лекциями по драме. Мария видела, что они прекрасны своей тонкостью и прозрачностью. Мгновение, остановленное красками, вот-вот исчезнет, как короткое дуновение летнего ветра.

Амир рассказывал, что навык достался им всем от матери. Мария не могла в это поверить. Бесконечно далеки были друг от друга живопись и невозмутимая хозяйка дома, которая целый день шуршит на кухне.

Когда Мумтаз проходила мимо пристройки, заметила дочку, окрикнула её. Джасми вскочила, собрала альбомные листы, виновато улыбнулась и выпрыгнула из комнаты. В глубине дома Мария слышала, как мама говорит много рычащих, кашляющих слов.

Мария держала дверь открытой, чтобы видеть, как домашние ходят по коридору. Но они нарочно не замечали, что в пристройке у них живёт человек.

У неё не было с собой ни книг, ни рукоделия. Она думала, что у них с Амиром минуты свободной не останется, и вот оказалась безоружна против долгой пустоты. Мария готова была мыть полы, убирать, готовить на кухне. Несколько раз она пыталась. Выходила из укрытия, улыбалась со всей добротой, бралась за посуду, но Мумтаз отстраняла её и махала рукой на пристройку с таким лицом, будто в её кухне огромный богомол.

Когда Мария нашла под диваном старую газету, то засмеялась безнадёжности своего положения: газета была на хинди. От скуки она рассматривала древнее письмо деванагари: планку со свисающими ножками букв. Картинки в газете были плохие, несколько портретов мужчин в рубашках, она рассматривала их зернистые лица.

Но она счастливой была от того, что Амир ходит рядом в путанице комнат. Прислушивалась к звуку его голоса, блуждающего между стен. Голос был тихий или чересчур высокий с родителями, низкий и весёлый с сёстрами. Она слушала его шаги на лестницах. Дом, который с улицы показался ей небольшим и бедным, превращался в её мыслях в замысловатую цитадель, напичканную секретными ходами, потайными каморками.

Будто объявленная виноватой, она выходила, пока в тесных коридорах никого не было. Мылась чаще до рассвета или поздней ночью. Мумтаз или девочки ставили к её двери остатки риса. Никто никуда её не звал.

Амир рисует на газете

*Не говори со мной о внезапной любви.
В нашей земле и муссоны идут не спеша,
Долго гуляя, словно при храме слоны.*

МИНА КАНДАСАМИ, «НЕРАЗГОВОР С ЛЮБИМЫМ»

Наконец-то Амир пришёл. Ночь поскрипывала в доме. Он принёс кусочки курицы в тёмном соусе, тонкие лепёшки роти с ужина. Всё уже остыло, но Мария ела с наслаждением, как в праздник.

Амир шёпотом пытался рассказать ей слухи, которые перебирались из дома в дом по бельевым верёвкам. Она почти ничего не понимала, тогда он принёс из комнаты девочек карандаш. На полях газеты он нарисовал человечков: над одними изобразил месяц, а над другими лотос. Мария поняла, что это враждующие стороны: «хинду» и «муслим». Потом нарисовал человечков поменьше также с нимбами из лотосов и месяцев. Маленькие лотосы оказались рядом с группой больших месяцев, а маленькие месяцы, наоборот, среди лотосов. Мария поняла, что это пленные дети. Ещё он нарисовал квадрат с башней и человека с бородой – мечеть с минаретом, имама.

Рисунок на краю оживал. Мария увидела сваленные в кучу горящие велосипеды, шины и оконные рамы, пустую ночную площадь с безголовым памятником. На площадь одновременно вышли две группы людей. Они поговорили. Вскоре с одной стороны выбежали и громко заревели дети с лотосами над головой. С другой стороны вынесли крошечное тело, над которым качался полумесяц. Имам упал на колени, это был его сын.

Когда над квадратными домами приподнялось солнце, похожее на ежа, толпа, над которой колыхались сотни месяцев, прошла в мечеть. Имам, чей сын погиб накануне, просил всех, кто видел тело ребёнка, сдержать свой гнев. Он обращался к приходу, он умолял их прекратить мстить даже за его сына, которого все так любили. Заклинал не трогать соседей, не лить больше крови. Люди в мечети плакали от боли и величия этого человека. Он же произносил свою речь в глубоком нервном шоке, пограничном с безумием.

Амир нарисовал себя и Марию, и она поняла, что у этого имама хотели они совершить никах, свадебный обряд.

Амир нарисовал, как люди-месяцы обнялись, в глазах каждого появились капли. Амир посмотрел на стену и сказал, что скоро бойне конец, после такого люди не смогут быть врагами.

Потом он сказал:

– Родители растили нас всю жизнь, и мы должны слушать их. Мы уедем в Мумбай, и мы будем там жить. Однажды они примут нас и твоих детей, тогда мы вернёмся и совершим все обряды.

После этого он опять оставил её, ушёл куда-то в пропасть дома.

Мария думала: «Да что это такое? Даже не поцеловал меня ни разу. Куда я попала? Кого я люблю?» С того дня, как она прилетела, он обнял её только раз – при встрече. Они преодолели бесконечную дорогу от аэропорта на океанском побережье до Бенгалии, как брат и сестра.

Амир думал: «Когда мы вернёмся в Мумбай, будем одни, я попрошу Гоувинда и Азифа, очень серьёзно попрошу оставить нас. Я буду любить её снова и снова». Потом он заставил ум расслабиться и потушить эти мысли – в доме родителей они могли опалить стены.

Ночью ты смотришь в дома

*Кто идёт безлунными ночами
С кожей лотоса и лотосной стопой
Через запрещённые границы.*

ТИШАНИ ДОШИ, «ДРУГАЯ ЕГО ЖЕНЩИНА»

Ночью ты смотришь в дома, брат, своим сухим бенгальским глазом, круглым глазом Рабиндраната Тагора.

Люди не спят, слушают тебя изо всех сил. Дети не спят, им страшно сгореть во сне. Страшно, что всех убьют, и маму тоже, раз она верит в Дургу и Лорда Кришну или она верит в Аллаха. Дети боятся плакать, чтоб не тревожить родителей и чтоб чудовище войны не пришло к ним в дом.

Мария проваливается в густую воду сна и тут же просыпается вся потная. Кто-то только что хрипел прямо над ней. Она встаёт и приоткрывает деревянную дверь. За городом уже расплывается восход. В серых сумерках у решётки так же близко, как стояла корова, пошатывается человек. Он схватил себя под рёбрами, в руки его течёт чёрная кровь.

Он замечает её в щели, его белки вспыхивают сумасшедшими лунами. Вдруг он срывается, бежит, весь тряпичный и шаткий, на длинных слабых ногах. Кровь разлетается по улице, как дикое конфетти. Держите, держите подступы горячей молитвой, сироты!

– Боже, – шепчет Мария, – что это за место?

«Со мной ничего не может случиться», – думает она. Это сражение для неё чужое, эта страна лишь декорация к её любви. В голове вспыхивает молния: «Никто даже не знает, где я, на какой точке карты. Буду писать маме каждый день. Даже если меня не простят, так хоть будут знать, что я не умерла».

Мысли кусают как москиты: «Где-то в мире лежат сейчас на таких матрасах с пружинами и кокосовой стружкой. Они даже не представляют, что здесь люди бегают по ночам в крови. Пахнет его кровью! Он залил ей воздух». Она не может спать, ей слишком липко от пота и грязно от пристройки.

Мария крадётся, стараясь быть невесомой, живот втянут, она ссутулилась. Проёмы дома освещены светом горящего Асансола и близкого утра. Зыбкий свет попадает через окна и блуждает между кривых стен. Комната Амира заколдована, каждую ночь её не отыскать. Шторка, которой отделён закуток девочек, похожа на зелёный сумрак леса.

По ночам сестрёнки ловят по радио передачу из Бангладеш. Ничего не работает в городе, только волна из соседней страны чудом попадает в приёмник. Через треск помех на бенгали читают письма слушателей о встречах с призраками. Кто-то столкнулся с бешо бхутом в бамбуковой роще. Зачитывают его историю: «Бешо легко узнать: если кругом тихо, и только в зарослях гуляет ветер, это играет дух...» Помехи, треск. «Бешо бхут выпил из старосты посёлка здоровье, тот едва добрался до деревни». Тишина, снова треск. «У Шьямангара дальнобойщики видели призраков, которые притворились совами». Долгие-долгие монотонные помехи. «Больше всего поступило писем о белоглазых русалках чикол бури, девушках, которых никто никогда не любил. Уж этих-то полные реки в наших краях». Обрыв, тишина, протяжный гудок.

Родители спят за аркой, завешенной до пола бусами, которые переливаются во мраке. Как же Мария их любит сейчас! Ей смешно, что они не замечают её. Словно малые дети, думают, что если закроешь глаза, так всё остальное исчезнет. С чего-то она взяла, что все будут обожать

её просто за цвет кожи – случайный подарок расы. Оказалось, она противоестественна, клин в укладе их жизни, нечто сродное духу бамбуковой роши и русалке.

Амир слушает её тихие ночные шаги, самые прекрасные в мире. Чтоб скоротать часы душевной ночи, он рассуждает сам с собой о том, что религии – глупость для занятия человеческого мозга. Мама заставляла его раньше ходить в мечеть. Там он мучился от скуки и желал спорить с имамом. Ему хотелось крикнуть: «Эй, дядя, подожди, разве мы должны быть столь скромными? Почему мы должны всё время подавлять себя?» Но, конечно, он ничего не кричал, а молча сидел, вытирая пот со лба.

При этом он верил в гармонию вселенной, в предсказания астролога, который обещал ему жизнь у моря, и обещание сбылось. Верил в магию камней, носил три старинных кольца с аметистом, сапфиром и изумрудом. Кольца отдала ему Мумтаз. Он знал, что самоцветы дают силу. Знал он также, что есть злые камни, которые могут отнять у человека удачу и смелость. Проверить это просто: нужно походить с камнем несколько дней, если он выпивает тебя – снимай и уходи.

Тёмный космос послал ему Марию, не так, как он хотел, и не ту, о которой он мечтал. Но ту женщину из мечты он забыл.

Отец с матерью были уверены, что он навсегда отправит Марию домой, только кончатся беспорядки, каждый день напоминали ему об этом. Он их не разубеждал, просто молчал.

Мумтаз

*Я плакала так горько и напрасно,
Так долго плакала, ходила к Богу.*

МИНА КАНДАСАМИ, «МЁРТВАЯ ЖЕНЩИНА ИДЁТ»

Мумтаз прислушивалась, как ходит по дому иностранка. Так тихо, что приходилось напрягать весь слух. Куда она ещё собралась? Уж не на кухню ли? Ходит, копошится в чужом доме. Сидела бы со своими детьми, как положено порядочной женщине. Отхлестать бы её мокрым полотенцем да Амира заодно. Слишком они избаловали его, разрешали делать всё, что ему вздумается. Позволили бросить приличную службу, ехать в Бомбей, стать артистом, и вот к чему это привело. В доме не было старших, ни дедушки, ни бабушки, которые учат семью уму-разуму. Откуда же было узнать, как воспитывать детей? В прежние времена такого позора быть не могло.

Отец решил отдать Мумтаз за Али. Слава Аллаху, её добрый старенький папа хотя бы сказал за кого. Долговязого парня с глазами, переполненными бессмысленной печалью, она сто раз видела на улице. Все выходят замуж, яблоны родят яблоки, коровы дают молоко, подошло её время.

Значит, пора, как многим другим девочкам, оставить школу, перестать танцевать в ансамбле. А она любила танцы, череду репетиций и сцену. Больше любила Мумтаз священный танец-спектакль бриту. Его движения придумали женщины, чтобы праздновать с богами дары жизни: беременность, исцеление от оспы, дождь после долгой засухи.

Месяцами они разучивали сложный танец лати под удары барабанов и медных тарелок. Ярость ударов росла. Девушки принимали воинственные позы, начиналось сражение с тонкими палочками вместо сабель. Шла горячая битва, достигающая пика, в котором и зрители, и танцовщицы становились безумны. Затем напряжение спадало, наступал отдых, но лица девушек горели ещё долго.

Знала она и танец гамбахира, секреты которого хранила мусульманская община. В нём Мумтаз была ведущей, она кружилась в центре полукруга под мелодию флейты. Разгоняя злую силу, она вращала головой, её длинные волосы описывали в воздухе круги.

Вместе с одноклассницами выплетали кружева из собственных тел в танце санталь, воспевающем буйство природы, в танце тусу – для привлечения хорошего жениха. Мумтаз чувствовала восторг зрителей. Ей хотелось, чтобы никогда не кончился праздник.

После спектаклей ехали с девочками на реку. В автобусе шумели, как птицы, все смеялись на них. Вбегали в коричневую воду, взявшись за руки. Их праздничные сари, молочные с красной каймой⁸, промокали. Они разводили костёр на берегу, пели про Дамодар. В старые времена, до того, как реку укротили дамбами, она звалась «горем Бенгалии». Каждый год разливалась река в смертельные наводнения, и народ сложил о ней песни:

Падаем на колени, Дамодар!
Останови свои потоки,
Пусть лодки лёгкие плывут⁹.

---

⁸ Традиционное бенгальское сари с ярко-красной каймой, шёлком цвета слоновой кости.

⁹ Вольный перевод фольклора.

Их дружный ансамбль собрала учительница из Калькутты, которая говорила всегда хрипловатым голосом и курила в зарослях за школой толстые сигареты. Учительница горевала, когда девочек отдавали замуж. Ей же было тридцать лет, а она оставалась свободна. Девочки видели, как к ней приезжает мужчина, как они бродят по берегу Дамодара вдвоём, смеются. Ходили слухи, что в Калькутте у него есть жена.

Отец Мумтаз был лукманом, мудрецом. Он единственный в квартале обучал дочерей так долго. На усмешки отвечал, что от образованной дочери толку больше, чем от неграмотной. Кроме того, целый год Мумтаз ходила на занятия живописью и делала успехи. Но время шло, отец дряхлел, ничего другого не оставалось, как найти дочерям мужей.

Папа сказал о свадьбе, и за ночь она выплакала все глаза. Безутешно рыдала Мумтаз по своим подругам и школе, по танцам и рисованию, по птичьей свободе. Когда утром Мумтаз отжала плоскую подушку, по комнате, где спали шесть её сестёр, побежал сверкающий ручей. Он вытек прямо к ногам отца, под занавеску, служившую дверью. Папа вернулся с утренней молитвы и сказал из-за шторы:

– Сабсе боди бети¹⁰, возьми вуаль и до свадьбы ходи в ней в школу.

Вуалью он называл материнский хиджаб. Никогда раньше отец не заставлял укрываться полностью. Они с сёстрами и платки-то снимали, прятали в мешки с книжками, повернув за угол квартала.

---

¹⁰ Сабсе боди бети – самая старшая дочь (*хинди*).

Старик

*Доктор и его ржавые инструменты,
Мусорщик, мама, подписавшая
Кровавое соглашение, слышите
Шум истока из чрева земли?
Это песня миллионов девочек.*

ТИШАНИ ДОШИ, «РЕКА ДЕВОЧЕК»

Мумтаз разбередила себе сердце и не могла уснуть. Слушала, как иностранка прокралась мыться. Вода лилась почти бесшумно, но раздражала Мумтаз, будто грохот потопа. Ей казалось, русалочья дочь напрасно расходует воду. Чтобы успокоиться, она продолжила вспоминать прежние времена и своего старенького папу.

Мумтаз помнит, какими слабыми шагами он ушёл в кухню после того, как просил её надеть хиджаб. Заскрипела бамбуковая кровать, на которой он отдыхал между молитвой и заводом. На заводе он и нашёл ей жениха, согласного взять без приданого. Папа, убивший все её мечты о танцах, был такой дряхлый и жалкий, что любое сопротивление разрушило бы его, как существо из пыли.

Насколько хватало памяти Мумтаз, отец всегда был таким ветхим, что непонятно, как у него завелось столько дочерей. Мумтаз, Махеназ, Нааз, Амрин, Шахин, близнецы Наушрин и Шагуфта, разорвавшие их мать в клочки. Хотя отец говорил: их мама умерла от стыда за то, что не смогла родить сына.

Девочки не знали, не узнали и после смерти старика, что он никогда не был женат. Это был чудак с громадным сердцем, который отнял девочек у смерти. Мумтаз не ведала, что её настоящий отец – богач, владелец бескрайних полей, но без семени, нужного для зачатия сына, хотел утопить её в коровьем молоке.

Его пожилой батрак, убиравший двор, выловил ребёнка, завернул в тряпку и уехал с ней в город. Он пережёвывал ей хлеб и поил водой, просил подаяния у храмов. Он думал подкинуть её в приют, да сердце сжалось от одиночества и грусти. Жили на улице кое-как. Он сумел наняться грузчиком-кули на вокзал, таскал чемоданы и привязанного к спине младенца. Сколько насмешек и унижений он наслушался тогда:

- Почему не выкинешь девчонку?
- Брось ты её в колодец. Кто будет её искать?
- Отдай её в приют, и дело с концом, в жизни тебе не заработать на приданое.

Только один человек, которому он нёс однажды сумки из мягкой хрустящей кожи, спросил его о девочке, а потом сказал приходить на завод. Так он начал работать и получать жалованье. Мумтаз подрастала. Одна старуха за несколько рупий приглядывала за ребёнком, пока он был на работе.

Он занял в конторе денег и купил в рассрочку крошечный домик из комнаты и кухни. В ночи, когда не было смен, пока Мумтаз спала, раскинув ручки на циновке, старик брал фонарь и уходил.

Из ночных походов он принёс сначала Махеназ, на самом деле индусскую девочку. Он нашёл её под тонким слоем почвы, только что закопанную кое-как, словно зерно сорняка. В её глазки и ротик набилась земля, но она ещё дышала.

В другой раз он подобрал Нааз, брошенную в коробке на автобусной остановке. Она охрипла от крика, но редкие прохожие делали вид, что ничего не слышат.

Амрин он попросил отдать ему рыбака, который уже отплывал на лодке, чтоб бросить внучку в Дамодар. Он плакал и говорил, что им никогда не воспитать этого ребёнка, никогда не выдать её замуж, она добьёт их нищую семью.

Шахин в грязной пелёнке подкинули к крыльцу незнакомцы. Крепкая девчонка всю ночь пролежала под дверью, кряхтя и извиваясь, но не плача.

Близнецов Наушрин и Шагуфту он забрал с постели роженицы, где на них никто и глядеть не хотел.

Когда девочки подросли, он сказал, что их мать, такая же красивая, как они все, умерла, а перед смертью велела им хорошо учиться. На рынке он купил дешёвый хиджаб и несколько бус, хранил их якобы в память о матери. Разрешал девочкам трогать чёрную ткань и играть с бусами. Сколько Мумтаз ни пыталась вспомнить, других игрушек у них не было.

Супруги

*Я должна сказать ему правду обо мне.
Итак, я скажу ему: «Я ходила в школу».*

МИНА КАНДАСАМИ, «АНГЕЛ ВСТРЕЧАЕТ МЕНЯ»

Мумтаз вздохнула с облегчением – русалка закрыла кран, теперь крадётся обратно. Снова вспыхнуло раздражение: «Завтра ещё следы за ней вытирать». Хотя это было не так, Мария кралась, протирала пол тщательно, старалась мыться под тонкой струйкой, воду заклинала не шуметь. Мумтаз попыталась уснуть, но не смогла. Муж храпел, как старый зверь, на соседней кровати. Она снова вернула себя в утро юности.

После того как папа велел носить ей хиджаб, новые слёзы залили комнату и промочили постели сестёр. Те проснулись, обхватив друг друга, разрыдались. В мокрых сорочках под формой они пошли в школу. На всех девочках были серые юбочки, синие блузки, гольфы и закрытые туфли. Только одна шла куском чёрной ночи.

После того как о свадьбе условились, жених стал часто попадаться на её пути. Каждый раз Мумтаз опускала свои остренькие глазки и старалась юркнуть в любую щель. Он узнавал её и через чёрную вуаль, продолжал путь, склонив голову.

Она сказала учительнице, что больше не может танцевать в ансамбле. Та, жалея, что теряет самую талантливую свою девочку, вскочила, накинула на голову платок. Хотела бежать к отцу, умолять не отдавать ребёнка замуж за незнакомца.

– Прошу вас, госпожа, оставайтесь в школе. Отец очень стар, а у меня ещё шесть сестёр, – сказала ей Мумтаз, касаясь её золотисто-коричневой кожи.

Весь квартал знал, что она выходит за сироту от бедности. Другие женихи со свёкрами потребовали бы мопед, золото, телевизор, посуду. Только брат дьявола знает, что ещё могло взбрести им в голову. Старенький отец сумел сговориться с молчаливым, вечно одиноким парнем с завода. Он сделал один шаг из семи. В приданое дал сотню простыней и три выцветших от времени золотых кольца с самоцветами. Эти кольца однажды принесли ему хорошие люди, видя, какими муками поднимает старый мудрец чужих дочерей. Но даже в трудные времена старик не продавал колец, берёт до свадьбы старшей.

Скажем наперёд, что кольца Али не взял: «К чему мне? Только мешают работать. Носи сама, а если не хочешь, так подарим их нашему сыну».

Свадьба была хорошей, пришли соседи, рабочие и все девочки из школы. Много пели, но песни стучали у Мумтаз в висках, ей было жарко. Ночью она обернулась в простыни из приданого, сделав из себя тугой кокон. Муж заглянул в комнату, пожелал ей добрых снов и вышел. У него оказался ласковый голос.

В ту ночь она в первый раз спала на кровати. Так чудно это было, что под утро Мумтаз перебралась на пол. Когда на рассвете она вышла из первой своей настоящей спальни, Али в кухоньке уже сам варил себе чай и жарил лепёшки, придерживая щипцами тесто над синим газовым огнём. Она, опустив голову, принялась ему помогать.

Али уходил на завод, а Мумтаз оставалась хозяйкой в доме. Её школьных подружек терзали свекрови так, что они были ранеными тигрицами Сундарбана¹¹. Старшие невестки дер-

---

¹¹ Сундарбан – самый большой на Земле мангровый лес, заповедник тигров, приходится на территорию Западной Бенгалии и Бангладеш.

жали их за прислугу, могли ударить по лицу за неловкость. Мужья за них не вступались. Забегая к ней на минутку по пути с рынка, они завидовали, что у её мужа нет родителей.

– Ах, Мумтаз, – рассказывала подружка, запыхавшись, – нынче свекровь захотела спать в нашей комнате, только у нас есть вентилятор. Сааб выгнал меня, я спала на крыше. Мумтаз, я хочу домой.

– Ах, Мумтаз, – говорила другая подружка почти на бегу, – жёны братьев Рахула заставляют меня делать всю работу. Сами только причёсывают волосы и ногти красят, а вечером говорят Рахулу и своим мужьям, что всю работу они переделали, а я лежала. Я покончу с собой, повешусь на дупатге, подруга.

– Ах, Мумтаз, – говорила третья, опираясь о стенку дома, – свекровь сама выбрала меня для Вишну, а теперь каждый день мучает меня, соседям говорит, какая я нищенка и неряха, как мало дала моя семья приданого. Боюсь, они толкнут меня в огонь и возьмут Вишну другую жену.

Мумтаз целый день прибирала дом, скоблила и переставляла нехитрую утварь по своему вкусу. Она могла несколько раз за день сбежать к отцу и сёстрам, ей было тревожно одной в тишине дома. У них-то всегда были визги, потасовки, смех. Под вечер она прибегала назад, тушила овощи с рисом, пекла хлеб. Али ни разу не похвалил и ни разу не ругал её стряпню, ел молча, уставший рабочий человек.

Со временем она стала замечать, что Али не такой уж унылый, как думалось сначала. Он приносил ей подарки: красивую ткань, капроновые колготки. В них душно было ногам, но она натягивала их в гости, а там как бы случайно приподнимала подол. Металлургический завод благоденствовал, прославляя город на всю страну, платили там хорошо.

Мумтаз располнела и текла по улицам, как Дамодар во время разлива. Как-то раз, встретив учительницу, которая была огорчена, что фигура танцовщицы так бездарно потеряна, Мумтаз лишь поздоровалась и без сожаления поплыла дальше.

Первенец

*Был ли тогда ребёнок? Мог у меня он быть,
С волосами, что блестят на солнце?*

ТИШАНИ ДОШИ, «ПРИЛИВ»

Триста ночей Мумтаз обвязывалась в тугой кокон. В триста первую ночь, когда над городом, словно тяжёлые слоны бродили грозы, она замоталась в одну только простынь, тонкую, как марля. Больше всего она боялась, что как мать начнёт приносить одних девочек.

В дешёвом сборнике имён, который она листала в промтоварной лавке накануне родов, написали так: «Если вы когда-нибудь встретите Амира, назовите его отражением, зеркалом». «Чушь какая-то», – подумала Мумтаз. Однако имя запомнилось. В другой книге, напечатанной на плотной гладкой бумаге, было сказано: «Амир – верхушка дерева». Когда, к великому счастью, родился мальчик, Али не возражал против этого имени.

В госпиталь к Мумтаз пришли сёстры, муж, соседки и отец. Женщины пели вокруг кровати и били в барабан, отгоняли духов. Амир был последним младенцем, которого видел её папа. Через неделю он ушёл в сад вечности, где в тумане всегда дрожат маленькие звёзды.

О браках сестёр договаривался уже Али и устроил каждую. Али оказался заботливым мужем, не требовательным, не особенно религиозным. Ни перед кем не должны были они изображать благочестие. Их дом в сравнении с другими оставался очень свободным местом, в почве этой свободы пробило оболочку и разрослось зерно Амира.

Нет, слишком много позволяли они ему. Разве отпускают матери от себя сыновей? Немыслимо, чтоб он женился на такой нечестивой женщине. Теперь ещё и у соседей разговоров больше, чем про войну. Стоит выйти на крышу, начинается:

- Мумтаз, это что, ваша невестка приехала?
- Подруга, неужели это её настоящие глаза? Разве бывают у людей такие глаза?
- Она тебе хоть чай, надеюсь, подаёт?
- Где твой сын нашёл её, Мумтаз? Скажи мне, и я тоже туда пойду.
- Тётя, тётя, а почему она такая бледная? В её стране светит только луна?

Все только и ждут, когда она выплянет в очередной раз в дверь пристройки, как осы кружат.

Скорпионы мыслей Мумтаз побежали по комнате, и она сильно задышала и заворочалась. Али проснулся, встал, закурил папиросу.

- Не спишь, жена?
- Не могу я спать, когда у нас в доме эта ведьма.

Али втянул в себя дым – половина папиросы мгновенно истлела, выдохнул. Посмотрел в утренние сумерки. Подумал про Марию: «Странные волосы, пух один. Не белые и не чёрные, не коричневые, не рыжие. Серые или зеленоватые, как у утопленниц чикол бури. В глазах – вода плавает». Он никогда не видел таких людей, но заметил ещё в первый вечер, что она не по-здешнему добра и нежна к Амиру. Так заманивают русалки юношей в густой ил заводей Сундарбана. «Может быть, смерть идёт в мой жалкий род, всё оборвется. А может быть, это и есть такая любовь, про которую в кино сочиняют?»

Остров безмолвной печали

*Я могу сказать по глазам мужчины,
Будет ли он когда-то
Моим любимым.*

МАНДАКРАНТА СЕН, «КОГДА ЭТО ТЫ»

Их цветок пробился в безмолвной печали острова Элефанта. Там, где столетиями терпят боль базальтовые боги. Однажды люди застали их в танце и расстреляли в руки, ноги, в хоботы, в резные гирлянды на шеях. Искалеченные боги прикрыли тяжёлые веки, чтобы не смотреть на человеческую суету.

Мария бродила у ног богов, трогала каменные колени и руки. Экскурсию она не поняла, отстала от группы, ушла в туннели, пробитые в скалах древними. Касалась рукой гладких стен в сколах от пуль. Солдаты, забавляясь, устраивали в храмах тир, но, изуродовав богов, не убили величия.

Снаружи скальных храмов стояла жара, трудно было смотреть на раскалённое небо. В туннеле лежали коричневые тени, а сырой воздух хотелось прожевать. В зелёной воде внутреннего озера плавала черепаха. Сверху, из разлома, падал дневной свет.

По пещерам ходило столько туристов, а в гроте оказался только один человек, смотрел в воду озера. Мария улыбнулась черепахе и человеку. Он был ниже, чем мужчины её страны, почти такой же, как она сама, только шире в плечах. Его тонкие пальцы в блёклых кольцах лежали на ограде озера. Ей стало странно, инородно от него, как от незнакомой еды или слов, обречённых развлекать приезжих. Так было всю неделю её путешествия – на нити между отторжением и восхищением.

– Вам нужна какая-то помощь? – спросил человек, словно ему не хватило воздуха. Голос завибрировал в сводах.

– Ничего, – сказала она. Потом улыбнулась: – Тут черепаха, – она хотела досказать, что это удивительно, как сюда могла попасть живая черепаха, и что, наверное, озеро связано с морем подземной рекой. Но говорить на чужом языке так много Мария не умела. Человек тоже улыбнулся. Оказалось, что у него белые тонкие зубы. Улыбался он хорошо, его лицо становилось добрым, ясным, как будто в мир добавляли света.

Он заговорил на языке колонии, закивал головой вправо-влево. Между бровями появились два глубоких залома. Мария не понимала, хотя этому языку их учили в школе много лет. Подумала, что лицом он марсианин, на него хочется смотреть, руки и плечи красивые, созданные разумным скульптором. Мария заметила металлические серьги, которые подчёркивают чистые пропорции смуглого лица, крупные губы, ровный нос. Было ещё что-то тёплое, тлеющее, невидимое глазу, мутное и влекущее, как зов тёмных лесов.

– На один день, Гоа, – сказала она только и показала руками один и взмах вылета.

– Один день? – ответил он, как будто его ударили, и снова закивал головой, вправо-влево, вправо-влево. Глаза оставались тяжёлыми и печальными, как у каменных богов.

Мария не догадывалась, что целый час он ходил за её группой, смотрел, как она постоянно расплетает и снова перетягивает резинкой тонкие травяные волосы. Рассыпает и заново собирает в пучок траву.

Она прилетела сюда одна, по редким билетам, которые подарили люди с ледяными глазами за какую-то страшную услугу. Лицо мужа сморщилось от отвращения: что за благодар-

ность – самолёт на задворки мира, где жгут мёртвых. Она сказала: «Я поеду, поеду», испугалась, что люди сделают что-то плохое, если не принять подарок.

Амир решил поехать на Элефанта, потому что все друзья уже побывали в этих пещерах. Здесь впервые он увидел белых людей так близко. Увидел, как из молочной пены рождается девушка, предсказанная ему.

Он думал, что такой могла быть его сестра-близнец: тот же рост, только тоньше. И кожа изумительно светлая, беспомощно прозрачная. Потом, когда он узнает её, окажется, что кожа на самом деле почти голубая там, куда не добиралось солнце. Когда она ушла в туннель, он быстро прошёл параллельным ходом.

– Ходить, – сказала Мария, махнула рукой в сторону группы и улыбнулась. Она постоянно улыбалась тогда, всё было для неё смешным. Не зная, что ещё можно сделать, он вдруг стал читать стихотворение «Аквариум» Бхагата на языке гуджарати. Он на минуту сошёл с ума. Этим стихам их учили на уроках сценической речи. Никто из студентов не знал гуджарати, но всем нравилась мелодия слов:

– *Таречи мачили, таречи мачили, наджиндигиз маречи пачили, ахим прокаш интру сун-рья нуна хи*¹².

Он изменил свой голос, и слова стали шероховатыми, как небольшие острозубые рептилии. Мария отступила. Тогда он запел, и она засмеялась, догадалась, что он её ждал. Она не смогла бы объяснить, почему не захотела тогда уйти, вернуться к группе и жить, как раньше. Почему шагнула навстречу этому человеку. Наверное, каменные боги или дремучая природа острова подтолкнули её.

Вышли из грота вместе. Он первым заметил, что группа белых людей направляется к выходу. Показал Марии на семью из четырёх обезьян, которые перебирали друг другу шерсть сморщенными ручками.

– Как в рекламе: вас двое и нас двое. Правительство придумало, чтобы меньше заводили детей. Такое огромное население здесь!

Она поняла, снова засмеялась, закивала, смотря ему в лицо и на обезьянок. В это время группа скрылась за кирпичным зданием кассы. Мария подошла к обрыву. Под ногами её клубилось изумрудное облако джунглей. Оно опускалось к океану и заходило в воду мангровыми зарослями.

---

¹² Первые строки стихотворения Ниранджана Бхагата «Аквариум» на языке гуджарати: «*Рыба плывёт. Разве помнит она свою прощлую жизнь? Здесь не солнце – неоновая петля*».

Кружево Колабы

*Имён мы не знаем,
Кем был он,
Кем она была,
Или когда это было,
И где это было.
Только любовь была.*

МИНА КАНДАСАМИ, «ЛЮБОВЬ И ВОЙНА»

– Осторожно, что я буду делать, если вы упадёте? – этих слов Мария не поняла и удивлённо посмотрела на Амира. Так мог быть сделан её брат-близнец, не существующий никогда. Странный брат цвета чая с молоком, какой готовят чайваллы¹³ на каждом пыльном углу. Он смутился от пристального взгляда, кивнул головой вправо-влево.

Мария огляделась, заметила, что группы нигде нет. Побежала по дорожке, никого не увидела, заплакала от испуга.

– Пожалуйста, не плачьте! Меня арестуют, подумают, я сделал вам что-то плохое. Нет никакой проблемы уехать, автобусы в Гоа постоянно ходят. Пожалуйста, нет никакой проблемы!

Вместе они спустились на пирс и дождались прогулочный кораблик, чтоб уплыть с острова. Нарядный кораблик долго покачивался у причала. Люди самых разных оттенков кожи поднимались на борт, болтая на разных языках. Только когда и на скамейках, и на палубе стало тесно, корабль отчалил в океан.

В пути подлетали крикливые чайки, выпрашивали корм. Уже далеко от Элефанта волны стали качать кораблик так сильно, что Мария безотчётно схватила Амира за руку. Волнение, сковавшее их до того, исчезло, обратилось в тёплый прилив. Люди на корабле смотрели на них. Туристка-японка, тонкую ладонь которой также держал рыжий скандинав, улыбнулась Марии, как близкой подруге.

Корабль гудел заезженным мотором. Болтаясь, проплывал мимо ржавых металлических островов, торчащих в волнах, мимо порта, к резным Воротам Индии. Они сошли на самой живописной моей пристани. Двинулись, как в водовороте, в кружевах Колабы – района, где когда-то бежали первые трамваи, и ранние мафиози независимой страны расплачивались в ресторанах чёрными деньгами.

Как и все мои артисты, я притворщик, друзья. Здесь, на Колабе, я притворяюсь европейцем. Хитро прячут Азию узоры моих зданий, мои галереи, витрины магазинов, в которых для чего-то торгуют мехом. Восток скрывают тени платанов, молодёжь в джинсах, художники, что продают рисунки вдоль чугунных оград. Но на картинах – женщины в сари и гробница Тадж-Махал, а в подворотнях жарят самосы¹⁴.

В старые времена Колаба не была моей частью. Её и Остров Старухи присыпали, пришили к перекошенному телу. Пришитый остров – моя корона, возведённая с восточной пышностью. Правда, великолепие её истёрто муссонами и временем, засыпано пылью.

Мария и Амир шли, разглядывая ажурные фасады. Они быстро сообразили, что разговаривать бессмысленно, все слова исчезают в плотном воздухе, не разгаданные. Марии нравилась его блуждающая улыбка, задумчивая, словно приходящая из глубин космоса; руки; тяжёлые

---

¹³ Чайвалла – уличный продавец чая в Индии.

¹⁴ Самоса – жареный пирожок.

от печали глаза. Ему нравилось, какая она красивая, светлая, как лунный луч, и все смотрят только на них. А ведь раньше, когда он шёл один, никому до него не было дела. Теперь прохожие глядели сначала на Марию, а потом на него, словно спрашивая: «Кто ты, парень? Как ты оказался с ней?» И ему хотелось отвечать каждому: «Она родилась для меня из небесного океана. Ваши же боги взболтали его молочную пену, она выскользнула и досталась мне». Так они и ходили, будто ещё не вступили на сушу, наслаждаясь излучением внутри себя и в другом. Лезвие печали резало сердца.

Мария записала домашний номер телефона в его «театральной тетради» со студенческими лекциями и вложенными между страниц акварелями с истрёпанными уголками. Амир всегда таскал тетрадь с собой в сумке и при случае читал. Он потом разобрал её небрежную запись, цифры оказались кривыми. Опасался, вдруг она дала неправильный номер. Поздним вечером Амир посадил Марию в автобус до Гоа. Мария смотрела в окно, ей казалось, что вечерние улицы окрашены в сепию и, возможно, мир уже начал умирать.

Накануне вылета Мария ходила по берегу и курила. Душа выла по отнятому близнецу. Мария хотела, чтоб вода, отступающая с пляжа, вернулась смертоносной волной, вырвала бы её с берега. Но океан возвращался плавным и тонким приливом, после которого в песке начинали копошиться мелкие крабы.

Потом ей захотелось с кем-нибудь переспать. В сумерках она пошла с пляжа, и скоро рядом затормозил мотоцикл. У того человека была мощная бычья спина. В его отеле влага пожирала звуки, а шаги на лестнице в тишине удивляли своей телесностью. В комнате она ласкала Амира, целовала его посветлевшую грудь. Из грубых стежков, которыми сшили их души, сочилась сукровица. Бестелесные призраки заполнили небо и с удовольствием смотрели в окно. Они бормотали: «Как ты могла потерять своего небесного брата, как ты допустила такое». А голос из бычьей спины сказал:

– Ну и страна, грязница, вонь. Домой хочу, к нормальной еде, ещё пять дней тут маяться.

Исход из Асансола

*Видела я, женщина держала
Рваный и потрёпанный край света.*

ТИШАНИ ДОШИ, «ДЕНЬ, КОГДА ХОДИЛИ МЫ НА МОРЕ»

Рис закончился, яйца брали у соседей. Ели тонкие лепёшки роти. Амир приносил их Марии в пристройку, где она изнемогала от пота, духоты и безделья. Стены с трудом удерживали жар. Марии казалось, они вот-вот рассыплются от тяжести горячих солнечных лучей.

В дом перестали подавать воду. Семья бережно тратила запасы из бочки на крыше. Вода пахла бетоном и солнцем. Она текла по шлангу через окно в душевую, тёмную низкую комнату, которую ещё сильнее уменьшала изнанка лестницы, служившая потолком. Душ был единственным развлечением Марии между приходами Амира.

Ей неловко было расходовать воду, она не знала, сколько ещё осталось в бочке. Никаких дождей не было. Она не мылась, споласкивалась. Бельё собирала в сумку, думая выстирать, когда дадут воду.

Когда время, что ползало по циферблату пластмассовых часов, потеряло всякий смысл, в город ввели войска. Настоящую армию, призванную остановить резню. Солдаты пришли, когда в газеты попала речь имама, сказанная на смерть сына. Об Асансоле услышали в стране. Это было опасно в нашем тесном мире, где на каждом перекрёстке жмутся друг к другу храмы всех мировых религий. По Асансолу проехали тяжёлые машины, военные по команде выстроились в шеренги и вошли в улицы со щитами. За полдня они уладили город. Он хрипло выдохнул и стих.

Все, кто писал потом об асансолском насилии – журналисты, чиновники в отчётах, писатели, – не могли понять, почему в сердцевине городского фронта осталось несколько нетронутых проулков, совершенно чистых от бойни. Только в одном заметили сухие капли крови на стенах, но никаких следов пожара и разрушения.

Мария и Амир уходили прочь по разорённым улицам. За дни домашнего плена оба отвыкли ходить, как после долгой болезни. Амир шёл впереди, Мария за ним. Она попыталась взять его за руку, но он отбросил её:

– Здесь консервативная территория, люди смотрят.

Мария улыбнулась, ей показалось смешным прятать очевидное.

– По-моему, людям всё равно, – сказала она на своём языке.

Горожане просыпались от насланного сна, ужасались делам своим. Наспех правили искалеченное добро. Рыжебородый старец в белом камисе¹⁵ чинил храмик чернолицей богини в нише индуистского дома, женщина в чадре выметала сор возле магазина индусов. К мастерской мусульман люди с размазанными точками на лбу крепили двери. Всё слилось в скорби: обугленные пещеры лавок, расплавленные гирлянды кофейных пакетиков, рваные оранжевые флаги, гнутые перевернутые остовы моторикш, костёр с детским велосипедом. Слабый ветер доигрывал мусором и осколками.

По опалённому городу они прошли, как изгнанники. Родители отказались от Амира до тех пор, пока он не отправит Марию домой. Амир смотрел на дорогу, выбирая лучший путь, а она на его сутулую спину, расставленные в стороны руки. Они почти одновременно вспомнили, что ехали в Асансол на свою свадьбу.

---

¹⁵ Камис – традиционная мужская одежда мусульман.

Я принимаю их

*Но надписи билбордов
Врастают в сердце раскалённое моё.*

МИНА КАНДАСАМИ, «ЕСЛИ ВСЁ РУШИТСЯ»

Я принимаю их в свои тёплые руки из высоток с дикими цветами в окнах, из раскалённого тротуара, дрожащего под колёсами «Махиндр»¹⁶. Я укрываю их смогом мягкого неба.

Я принимаю их, как новорождённых, которые, подрастая, копошатся в мусоре вместе с лохматыми поросятами, и как звёзд кино, подъезжающих на фестиваль из апартаментов на Бэнд-стенд променад.

Вот они, в толпе на вокзале Виктория – самой красивой станции планеты. Амир прожил у меня несколько лет, но всё-таки спрашивает, на какую платформу подойдёт местный поезд до района Андери.

Им не терпится добраться, отмыться и впервые заняться любовью. Желание ощутить другого заставляет продираться сквозь столпотворение. Такое я видел сотни раз, но не разгадал, почему так сжигает эта тяга моих сирот, что находят они в том, чтобы снова и снова сливаться в одно некрасивое обнажённое существо в закупоренных комнатах.

Амиру приходится всё растолковывать помногу раз, Мария, словно глухонемая, не понимает. Он терпеливо говорит: «Мы сейчас поедem на метро в наш район. Может быть, Азифа и Гоувинда не будет, уйдут куда-нибудь». Она кивает и кивает, мой глупый нежный человек. В потоках чужих Мария уже обречена на одиночество, но ей всё равно. В толпе для неё не существует никого, кроме Амира.

Со станции они едут на автобусе. Людей за окном так много, что Марии с непривычки кажется, что они движутся в два слоя по головам друг друга. Она сидит на предпоследних местах «только для леди», а Амир с последнего дует ей на затылок, пока никто не смотрит. В давке они наедине.

В это время Азиф уходит передать бакшиш – взятку одному продюсеру, а потом решает перекурить с другими знакомыми «сорняк». Гоувинд отправляется к подруге, Мукте. Мария и Амир разминутся с ними в лабиринтах Версовы – окраины района Андери.

Много лет назад Версова была деревней, в которой пираты из Омана перерезали всех жителей. Но ни одна моя часть не остаётся мёртвой, даже камни рожают деревья, а уж люди... Версова ожила и разрослась. Она трещит по швам от изобилия соседей, детей, крошечных чайных. Она завешена сохнувшей одеждой – горами пёстрых тканей. Здесь всюду разбросана рыба, кошки и крысы наелись ей до отвала. Тесно жмутся стенами дома, разноцветные, как игрушки.

Амир купил пять яиц и четыре пакетика кофе в лавчонке, где рыжей пылью присыпаны леденцы, журналы за все месяцы года, коробки чая, сигареты. Яйца продавец сложил в прозрачный пакет, к улыбке Марии, привыкшей к картонной упаковке. В другой лавке он купил связку бананов. Грустно посмотрел в кошелёк, на тонкую полоску красно-зелёных рупий. Мария удивилась, что обед их будет такой плохой, но ничего не сказала.

Амир зашёл в чайную рядом, схватил со стола воду и вылил себе в горло – жарко. Мария захохотала, никогда не видела, чтоб пили так, не касаясь губами бутылки.

---

¹⁶ «Махиндра» – автомобиль индийского производства.

Женщины и маленькие дети смотрели на неё с восторгом, а мужчины со сдержанным одобрением. Мария улыбалась всем, как будто они были продолжением её Амира. По задворкам и проулкам, от которых у неё поплыла голова, пришли к дому.

На пластмассовой табличке золотыми буквами было написано «Дворец Ашриты». Амир отогнул сетку, которой завешивали от крыс бетонную террасу. Узкой лестничкой получалось идти только по одному. Двери в квартиры были завешены шторами. За шторами кто-то шевелился, разговаривал, играли песни.

Поднялись на последний этаж. Мария удивлялась каждому закутку, глаза её стали почти круглыми.

Все иностранцы так глядят на меня, уж поверьте. А в старые кварталы Версовы они сроду не ходят. Разве что фотографы – поснимать народ и напечатать в каком-нибудь своём журнальчике о том, как мы бедны и страдаем. А ведь мы страдаем не больше других.

Во Дворце Ашриты

*Я живу на клочке земли,
Выращенном из усталого океана,
Где-то на краю вселенной.*

АРУНДХАТИ СУБРАМАНИАМ, «ГДЕ Я ЖИВУ»

В конце лесенки оказалась площадка, заставленная мужской обувью. С одной стороны площадки находилась арка на узкий балкончик, а с другой – деревянная дверь в квартиру. Для Марии арки, лесенка, сам дом казались уменьшенным, сжатым, а себя она ощущала большой. Она сняла сандали внутри квартиры. Амир сказал, что обувь нужно снимать у входа, на площадке.

Он не закрыл дверь, и окна оставались распахнутыми. Внутри плескалось солнце, играло на светлом мраморном полу. На этом красивом полу было постелено два неказистых матраса. Матрасы и столик с пыльными книгами оказались единственной мебелью первой комнаты. Стены комнаты были покрашены розовым, который потемнел внизу ближе к полу от человеческих спин.

Через арку было видно окно дальней спальни, в нём близко и тесно стояли дома. Голоса соседей затекали отовсюду, будто квартира полна невидимых людей. Не умолкая кричали птицы. У самого балкона постукивали, переливались приятной мелодией листья пальмы.

Арка вела в фиолетовую кухню со столешницей, раковиной, похожей на глубокий колодец, антресолями под потолком, полными тёмного хлама. Там тоже больше ничего не было, кроме коробок по углам. Мария хотела спросить: «А где стол?», но промолчала.

Дальняя комнатка оказалась синего цвета, с резной деревянной кроватью, усыпанной рубашками, брюками. Такие же вещи висели по стенам на гвоздях. Валялись бритвы, пепельницы с окурками, пивные банки. Амир схватил в кухне огромный веник и принялся сметать пепел, который раздул ветерок.

– Если я не сделаю, никто не сделает, – забормотал он.

Между синей комнатой и кухней втиснулась узкая душевая. Душ, обросший зелёным грибок, крепился к потолку. Амир показал, как его включить, повернув тугой рычаг. Тонкие брызги чуть тёплой воды разлетелись во все стороны, попадая в крошечную раковину и розовый унитаз.

Глаза Марии распахнулись так широко, что, не читая её мыслей, любой бы догадался: она привыкла к квартирам вроде тех, что продают теперь в новых кондоминиумах: просторных и чистых, с красивой мебелью. Амир же гордился своим жилищем и лучшего не видал. Оно и вправду было веселей мрачных сводов дома в Асансоле.

Он сказал:

– С таким дизайном и за такие деньги жилья теперь не снимешь.

Мария засмеялась слову «дизайн», но ей нравилось, как сверкает пол от лучей солнца, разноцветные стены, прячущие бедность. Мария не верила, что они всерьёз останутся здесь надолго. Она ещё не разобралась, что выживание обеспечивалось в складчину с друзьями.

По очереди они отмылись от копоти дороги. Амир объяснял, как варить кофе в кастрюльке на плитке с железными ножками и одной конфоркой. Он поставил кастрюлю и вскипятил воду, потом засыпал в кипяток два пакетика «Нескафе». Мария снова засмеялась этой плитке и кофе. Амир посмотрел на неё, как на очень глупого ребёнка, и тоже заулыбался, показывая тонкие белые зубы.

– Кофе в пакетиках всегда лучше качеством, чем кофе в банках, – сказал он.

Он расстелил на пол циновку из бамбука. Напились кофе, убрали чашки. Потом долго сидели рядом на циновке, схватившись за руки. Амир мечтательно рассматривал стены, Мария коснулась рукой его лица, и они стали целовать друг друга. Потом он вскочил, закрыл входные двери на ключ, задвинул створки окон с узорными непрозрачными стёклами. Сходил в дальнюю комнату и закрыл там окно тоже. Он как будто не видел Марию от смятения, одним резким движением он сорвал её юбку и без всяких ласк соединился с ней. Она удивилась лёгкости его тела, похожей на лёгкость детей, которых она поднимала на станциях. Она смутилась и закрыла глаза.

Имена домов

*Мимо чили и тамаринда
Лабиринтом соломенных крыш.*

ТИШАНИ ДОШИ, «ЭЙДЖЕЙ, 15 ЛЕТ»

На рынке продают скользких рыб, желтоватых от воды залива Малед-крик, целые кусты зелени, тонкий извилистый перец и баклажаны. Мария пытается сбить цены, её крепкие пальцы чередуют знаки. Она смеётся от удовольствия быть здесь, запахи овощей и специй щекочут ей нос. Ей приятно и ярко. Она не может насмотреться на разноцветный мир.

Амир не любит, чтоб она ходила одна, волнуется. Мария путается в улицах, построенных по наитию. Каждый раз долго ищет Дворец Ашриты – жёлтый канареечный домик, украшенный пластмассовой табличкой. На табличке имя дома написано золотыми буквами, обведено серебром, и вокруг букв пущены радужные салюты.

У каждого дома есть своё имя, я вам покажу, пойдёмте за Марией. Зачем только она надела такое короткое платье? Теперь все мужчины и женщины глядят на белые ноги. Старая Версова любит традиции.

Но смотрите. Вот этот, плохо покрашенный, коричневый дом называется «Жемчужиной Лорда Вишну». Дом оттенка морской волны с оранжевым узором на дверях и гирляндами ноготков на окошках – «Лампа океана». К стенам «Полной луны» приделаны горшки с острыми растениями. Синее строение – «Чудесный камень, который превращает всё, к чему прикоснётся, в алмазы».

Здесь по меньшей мере два десятка «Небес», с тряпками на оконных решётках, пять или шесть «Благословений» с пучками чеснока и перцев у входа. Несколько «Вселенных» с террасами из бетона, на которых отдыхают от долгой жизни старики. Мария складывает руки, как в молитве, и кланяется им. Глупая, это же не Япония!

«Амрита, полная нектара», «Дая милосердная» и «Птичье гнездо» с распахнутыми в общий коридор улицы дверями. Мария заглядывает туда, там полыхают синие отсветы телевизора, люди лежат на полу. Изнутри на неё глядят ошарашенно: что это за русалочий дух?

Вот ты и заблудилась! Потеряла все приметы, три раза обошла кругом Дворца Ашриты. На сандалии налили водой из шланга, хотели пыль прибить на кривом тротуаре. «Баньян», «Обожание», «Ом», «Зеркало», «Маниша», «Благородная Шева». Наконец, пальма, чьи листья переливаются музыкой. По ней Мария узнаёт место.

Все «дворцы» и «обитатели» жужжат радиоприёмниками, скворчат сквородками. Одни окна смотрят в другие, с балкона можно проверить рукой, высохло ли бельё у соседки. Версова образует один огромный дом, убаюкивающий гулом тесного бытия.

Мария не поднимается в квартиру. Она остановилась у единственного здания без имени. Туда ходят женщины, озираясь, закрывая лицо платком, встревоженные супруги, редко молодые девушки в брюках и тёмных очках. Перепуганные, заплаканные, всегда тревожные. Бывает, пары выглядят счастливыми. Скоро Мария догадывается, что там работает акушер. Там говорят пол ребёнка, который запрещено называть, делают аборты на любых сроках.

Вечером Мария наблюдает с балкона, как ужинает большое семейство. Они едят рядом на крыше, среди гигантских алое. Малыши бегают, как по саду. Её дети точно полюбят такой сказочный город, уютный свет его окошек. Она расскажет им, что они поедут в страну, где каждый дом имеет своё название, где всегда тепло и шапка не нужна. Расскажет, что их дом

будет называться тайным Дворцом. Нет, сначала нужно съехать отсюда, начать жить без друзей. Не ожидала она, что у Амира окажется так мало денег.

Сотни раз в ней закипает тревога: нехорошо это, стыдно и страшно, дети должны быть с ней. Свадебный обряд – никах отложили до времени, когда родители Амира его простят. Ожидание висит в разогретом до сорока градусов воздухе.

Ааракшан

*Оно знает касты всех
Тридцати трёх миллионов богов.*

**МИНА КАНДАСАМИ, «ЭТО СТИХОТВОРЕНИЕ ПРОВОЦИРУЕТ
ВАС»**

В мире вечерних кухонь, гудения тесной жизни светилась влюблённость Марии и Амира. Её можно было осязать, как глину или песок, строить из неё дворцы и целые города. Цветение невидимых садов не прекращалось от того, что мимо без конца ходили соседи по комнате Гоувинд и Азиф. Светлый и тёмный ангел у ворот райских куш, ангелы житейского апокалипсиса.

Никуда от них было не деться, каждый вносил долю в оплату за квартирку. Чаше аренду полностью платил Азиф.

Во время обучения актёрскому мастерству Мухаммед Азиф, единственный мусульманин в группе, стал первым другом Амира. Их двоих не любили. Они попали на курс по квоте, как «религиозное меньшинство», а значит, заняли чужое место. Ребята с баллами выше остались за воротами.

Амир стыдился своего права на квоту. Он всегда страдал от кастовости и сегрегации, привилегий для кого угодно. Но другого способа выучиться для него не было. Он решил, что в будущем отдаст долг стране блестящими ролями. Азифа такие вопросы не волновали. Он пришёл в колледж не от любви к искусству. Ему неохота было пылиться в конторах и слишком много работать. В моду входила профессия программиста, но это было скучно. Ремесло актёра выглядело простым, баллы для поступления – не высокими на фоне прочих.

Первые месяцы они с Амиром держались вдвоём, островком в студенческой реке. Их не оскорбляли, не трогали, но обходили. Ими пренебрегали из-за квот, ааракшана¹⁷, как в других группах на курсе презирали выходцев из низших каст, также попавших по квоте.

Ааракшан сдвигал в сторону потомков высших каст из обедневших семей. Люди с благородными фамилиями Раджпут, Гупта, Миталл, Шарма, но без денег на взятки освобождали место тем обездоленным, что веками выполняли для них грязные работы, ходили по задворкам, пили из своих колодцев, чтоб даже тенью своей не задеть чистокровного человека.

Вкупе с неприкасаемыми в льготные списки внесли другие низкие касты, племена, а также не индуистов. Им стало проще поступить на учёбу и службу. Ааракшан разрастался. Он был везде: от тесных учительских комнат до кресел в законодательных собраниях штатов. Всюду полагалось оставлять резерв для бывших изгоев. Касты смешивались. Многих это приводило в бешенство. Как могут слуги стать господами? Неприкасаемых били, как не били в прежние времена за дерзость, в которой не было их вины.

---

¹⁷ Ааракшан – бронирование, резервирование (*хинди*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.